

Стюарт Голдберг

Из истории публикации русской классики

Статья вторая

УПРОЩЕНИЕ ОЛЕНИНА
(РИСУНКИ КОДЕ ДЕРЖАВИНА)¹

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_401

В 1795 г. Державин преподнес Екатерине подарочный, каллиграфический том своих стихотворений². Стихотворения были снабжены «заставками» и «концовками», нарисованными Алексеем Олениным, будущим президентом Академии художеств. Как известно, Державин хотел, чтобы все его стихи появились в печати в сопровождении таких виньеток. В 1802—1803 гг. еще сто рисунков выполнил Алексей Егоров³. Когда составлялись три рукописных тома, которые должны были стать основой для издания Сочинений 1808 г., Иван Алексеевич Иванов не только создал ряд новых рисунков, но также перерисовал рисунки Оленина и ряд рисунков Егорова⁴. Для печати, однако, каждый рисунок нужно было выполнить заново в виде гравюры. Успеху затеи помешали недостаток искусных граверов и чудовищная стоимость работы. Державин был вынужден ее «отложить»⁵. В течение двухсот лет тем читателям и исследователям, которые не имели доступа в Отдел рукописей Российской национальной (ранее — публичной) библиотеки, корпус рисунков Оленина был доступен лишь в виде ксилографий, сделанных граверами для академического издания 1860-х гг. под редакцией Якова Грота⁶. Исследователи творчества Державина и по сей день продолжают ссылаться на рисунки Оленина по гротовскому изданию⁷.

Е.А. Петрова пишет в своих работах о посредственности граверов Грота и о том, почему гравюры в принципе не могут не исказить эстетику рисунков, которые они

- 1 За помощь и советы благодарю К. Осовата, В. Проскурину, Д. Хитрову, С. Львовского, а также сотрудников Российской национальной библиотеки, Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, Российского государственного архива литературы и искусства и Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета. Ответственность за любые недостатки статьи лежит на мне.
- 2 Этот том хранится в РНБ: Основное собрание рукописной книги (ОСРК). Ф. 550 (из собрания П.П. Дубровского). F.XIV.16.
- 3 См.: *Державин Г.Р.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. Т. 1. СПб.: В тип. Императорской академии наук, 1864. С. XXXIII; *Петрова Е.Н.* Об иллюстрациях конца XVIII — начала XIX в. к произведениям Г.Р. Державина // Проблемы развития русского искусства. Вып. 5. Л.: Академия художеств СССР, 1973. С. 18; *Она же.* Иллюстрации к анакреонтике Г.Р. Державина. Замысел и история создания // Державин Г.Р. Анакреонтические песни. М.: Наука, 1986. С. 384—385.
- 4 Там же. С. 385.
- 5 См.: *Державин Г.Р.* Сочинения Державина... Т. 1. С. XXXII—XXXIV; Т. 2. С. 493.
- 6 Рисунки к первому тому Сочинений «резаны на дереве гг. Гогенфельденом, Даугелем, Брауном и отчасти Стариковым» (Там же. С. XXXV). Они представлены при стихотворениях без индивидуальных подписей.
- 7 Самый свежий пример: *Клейн И.* При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2021. С. 171.

призваны передать⁸. Те несоответствия, о которых пойдет речь ниже, касаются, однако, не столько стилистики и эстетике образов, сколько их базовой семантики. Несответствия на этом уровне связаны, как представляется, с меньшей художественной и политической смелостью создателей гравюр, а также с потерей ощущения того художественного и эмблематического языка, которым пользовался Оленин, выполняя свои рисунки.

Следует подчеркнуть, что политическая смелость в данном случае не означает радикализм или либерализм авторов стихов и рисунков, а относится к независимости голоса, испытывающего границы допустимого, не выходя за рамки приверженности монархической форме правления и консервативного миропонимания в целом. При обсуждении рецепции рукописной книги Державина, поднесенной Екатерине в 1795 г., основное внимание обычно уделяется оде «Властителям и судиям», вызвавшей первоначально резкое неодобрение двора. Гениальность этого стихотворения состоит в том, что текст действительно следует оригиналу (Пс. 81) достаточно точно, чтобы в случае скандала можно было апеллировать к тому, что речь идет не об оригинальном тексте, а о переводе, причем из бесспорно благонадежного автора; в бонмо и анекдоте, при помощи которых Державин отводил недовольство двора, это был царь Давид, а не «подписавшийся» в первой строке Асаф⁹. Но вместе с тем это стихотворение настолько осовременивает библейскую поэтику псалма, так усиливает его, превращая в мощное, живое явление поэзии текущего дня, что становится понятно, почему современники видели в тексте прямое, обращенное к ним высказывание Державина¹⁰.

Упомянув в своем «анекдоте» о беспрепятственной публикации стихотворения в 1787 г. («...ежели по сие время не произвел ничего дурного, то <...> и впредь не произведет никакого зла»), Державин лукавит. Он, разумеется, знает, что стихотворение было снято из журнального номера 1780 г. Возможно, лукавит он и тогда, когда утверждает в «Записках», что сел писать «анекдот» только после того, как заподозрил, что за резкой реакцией двора стояли происки оскорбленных вельмож¹¹. «Анекдот» слишком удачно вписывает стихотворение в существующий христианский и монархический контекст (как блестяще показывает К. Осповат), возвращая текст на твердую почву с края опасной пропасти, на котором он балансирует. Своими беззлобными, лестными остротами, высоко ценившимися при дворе Екатерины

-
- 8 См., в частности: *Петрова Е.А.* Рисунок и акварель в русской культуре, первая половина XIX века. СПб.: Palace Edition, 2005. С. 214–217, 219.
- 9 Устную отповедь Державина (в его пересказе) см. в: *Державин Г.Р.* Записки Гавриила Романовича Державина. 1743–1812 / С лит. и ист. примеч. И.И. Бартенева. М.: В тип. Александра Семена, 1860. С. 381. Текст «анекдота» воспроизведен в: *Он же.* Сочинения Державина... Т. 1. С. 113–115.
- 10 Кирилл Осповат ярко очерчивает современный политический и культурный контекст мотивов стихотворения, извлеченных уже русскими и иностранными писателями XVII и XVIII вв. из псалма 81 и подобных ему текстов и ставших ключевыми для философского обоснования этики абсолютизма (*Осповат К.А.* «Властителям и судиям»: Державин и придворное политическое благочестие // *История литературы. Поэтика.* Кино: Сб. в честь М.О. Чудаковой / Ред.-сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М.: Новое издательство, 2012. С. 274–307). Однако выявленные Осповатом соответствия между мотивами псалма и гомилетической риторикой не объясняют действенности державинского «переложения» и не отвечают на вопрос о том, что именно в его тексте сделало возможным его прочтение не в ключе гомилетического наставления, а в качестве вызова власть имущим, не просто дерзкого, а выходящего за границы дозволенного.
- 11 Ср. по поводу оды «На коварство»: «...приготовься отвечать, ежели б спросили...» (*Кононко Е.Н.* Примечания на сочинения Державина (продолжение) // *Вопросы русской литературы.* 1974. Т. 23. № 1. С. 86).

(«зеркало красавице не может быть противно»¹²), Державин узаконивает включение текста в подарочный том, издание которого должно финансироваться адресатом¹³. Смелость и уникальная, как представляется, тонкость державинской игры здесь в том, что стихотворение, написанное языком негодующего современного пророка, не «смягчающее свои удары», может сыскать активное одобрение царствующей особы.

Сходную стратегию можно наблюдать и в оформлении всего тома. Одной из главных задач Державина было провести свое поэтическое наследие (включая ранее не опубликованные тексты) между Сциллой двора и Харибдой самоцензуры. Фронтиспис¹⁴, посвящение и приношение, в высшей степени лестные для Екатерины («Монархиня!»; «Ты славою — Твоим я буду эхом жить»), по-видимому, были призваны задать нужный контекст для тома в целом, тем самым защитив «сомнительные» тексты от возможной критики.

Еще одно «опасное» стихотворение — ироническая ода «На Счастье» — осталось будто бы незамеченным в переполохе вокруг «Властителям и судиям». Ода, написанная зимой 1789 г., в ироническом ключе отражает переживания автора, безвыездно находящегося в Москве по указу императрицы в ожидании (подстроеного врагами) суда в сенате по обвинению в превышении им полномочий в бытность его губернатором Тамбова. Текст оды вызывающим образом сближал Екатерину со слепым и разрушительным божеством Счастьем (Фортуной), с которым, по тексту оды, она «сопряжена»¹⁵. О том, что Державину, его соратникам и редакторам текст этот мог казаться хотя бы и относительно рискованным еще в 1795 г., можно судить по характеру пометок в так называемой «Рукописи 1790-х гг.», первый слой которой представляет собой наиболее раннюю из дошедших до нас версий текста стихотворения¹⁶. Здесь иксами на полях были отмечены такие рискованные (как можно предположить) места, как: «Въ глаза патриотизма плюешь»¹⁷;

12 Державин Г.Р. Сочинения Державина... Т. 1. С. 114.

13 О месте острот и забав в культурной политике Екатерины см., например: Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006; Она же. Империя пера Екатерины II: литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017. О приказе Екатерины издать сочинения Державина «за счет Кабинета» см.: Грот Я.[К.] Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом // Державин Г.Р. Сочинения Державина... Т. 8. С. 716.

14 Фронтиспис изображает Фелицу на облаке, с лицом Екатерины, но в виде восточной красавицы с открытым животом. Облокотясь на земной шар, она смотрит вниз на пользующегося ее покровительством мурзу, сидящего с лирой, на которой отчеканено: «Фелице». Тот смотрит вверх с приоткрытым ртом, выражая удивленное благоговение. В гротовском издании, между прочим, Фелица одета в длинный, до ступней, хитон с поясом и плащом (Державин Г.Р. Сочинения Державина... Т. 1. С. 718).

15 Об этом стихотворении см., в частности: Crone A.L. Deržavin's 'Na Sčastie' as the Undoing of 'Felica': Reflections on Deržavin's Anti-Ode // Russian Literature. 1998. Vol. 44. P. 17—40; Проскурина В. Империя пера Екатерины II. С. 155—159, 200—247 (здесь автор объединяет и дополняет свои наработки 2009—2010 гг.); Goldberg S. The Poetic Device and the Problem of Sincerity in Gavrila Derzhavin's Verse // Slavonic and East European Review. 2017. Vol. 95. № 2. P. 239—251; Клейн И. Указ. соч. С. 169—182.

16 «Рукопись 1790-х гг.» находится в: Институт русской литературы (ИРЛИ) РАН. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 4.

17 Несмотря на неудачи «патриотических» партий на международной арене около 1789 г. (см.: Проскурина В. Империя пера Екатерины II. С. 218, 225—227), слова «патриот» и «патриотизм» в то время широко использовались в своем основном значении (см. примеры в Национальном корпусе русского языка — ruscorpora.ru), и это основное значение было подчеркнуто впоследствии Державиным в его «Примечаниях»: «неуважение любви к отечеству» (см.: Кононко Е.Н. Указ. соч. С. 84.

«Парижу пукли разбиваешь» (приобретшее совсем новое звучание после казни Людовика XVI); «А развѣ кое какъ вельможи, / И такъ и сякъ, нахмура рожи, / Тузять инова иногда». К строфе «Въ тѣ дни, какъ всѣ вездѣ въ разгульѣ, / Политика и правосудье, / Умъ, совѣсть и законъ святой...» была добавлена излишняя, если иметь в виду первоначальный подзаголовок оды, и к тому же неубедительная сноска торопливым почерком (видимо, самого Державина): «Сей куплетъ относится къ шутнымъ забавамъ бываемымъ маслѣницею»¹⁸.

Вера Проскурина представляет это стихотворение в виде галантной игры с Екатериной и даже смелого стратегического хода поэта, лишенного должности¹⁹. Однако следует помнить, что игры Екатерины в персифляж были в значительной степени односторонними. Не Екатерина, а ее вельможи и подданные должны были галантно сносить шутки и осмеяние. Мог ли поэт, ожидающий решения своей дальнейшей судьбы в 1789 г., преподнести императрице, уязвимой для критики по части фаворитизма, такие, например, строки: «Но шар твой часто упадет, / По прихоти одной твоей, / На пни, на кочки, на колоды, / На грязь и на гнилые воды, / А редко, редко на людей»?²⁰ И не только преподнести, но еще и ожидать в благодарность за это ее заступничества?

В предназначенный для Екатерины том, публикацию которого поэт планировал предпринять при содействии императрицы, Державин не просто не побоялся включить «На Счастье», — он также отметил оду достоверным временем написания (Масленица 1789 г.) и, что для нас важно, усилил смелость ее поэтики рисунками Оленина, вполне созвучными вызывающему, ироничному тону оды.

Игриво-дерзкие заставка и концовка Оленина²¹ вполне гармонируют с «ироническим слогом»²² оды Державина. Чего, однако, не скажешь об изображениях в из-

Курсив мой). Кроме того, фраза о патриотизме появляется в строфе, где речь идет о перипетиях русской жизни («Полна земля вся кавалеровъ / И цѣлой свѣтъ сталь бригадиръ»), а не о международной обстановке.

- 18 ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 79 об., 80, 81. Подзаголовок гласил: «Писанная въ Москвѣ на Масленицѣ 1789 года, когда и самъ Авторъ быть подъ хмѣлькомъ» (почерком писца; перечеркнуто и записано от руки: «писанная на маслѣницѣ». Слово «Ода» как часть названия также вычеркнуто (Там же. Л. 78 об.)).
- 19 Проскурина В. Империя пера Екатерины II. С. 237. Она, среди прочего, апеллирует к соответствию взглядов Державина на международную политику и масонство в оде взглядам Екатерины и даже к наличию в тексте ее собственных «словечек». Ср.: Клейн И. Указ. соч. С. 175—176.
- 20 Державин Г.Р. Сочинения Державина... Т. 1. С. 255. Двойственность обращения — и тем самым адресация Екатерине — подкрепляется началом этой строфы. Именно на первом воздушном шаре, или пузыре (ср. у Державина «шаръ Монгольфьера»), императрица отослала Державина «домой» с позором после его неосторожных денежных просьб, осмеяв его на страницах «Собеседника» в конце 1783 г. См.: Погосян Е. Уроки императрицы: Екатерина II и Державин в 1783 г. // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сб. статей в честь Т.В. Цивьян / Сост. Л.О. Зайонц. М.: Новое издательство, 2007. С. 244—246, 260—262, 264). Следующая строфа, вновь обращенная к Счастью, также неявным образом подчеркивала отождествление этого божества с Екатериной. По ее содержанию и переключкам с державинским «Описанием торжества, бывшего по случаю взятия города Измаила в доме Генерал-Фельдмаршала Князя Потемкина-Таврического в присутствии Императрицы Екатерины II» можно предположить, что строфа эта была добавлена в оду в 1791 г. или позже. В ней лирический субъект говорит голосом отвергнутого Екатериной и пытающегося вернуть ее милость Потемкина (см.: Goldberg S. Op. cit. P. 247—248). О Потемкине в «На Счастье» см. также: Проскурина В. Империя пера Екатерины II. С. 208, 227—232.
- 21 РНБ. ОСРК. Ф. 550. F.XIV.16. Л. 109 об., 115.
- 22 Кононко Е.Н. Указ. соч. С. 84.

дании Грота²³. Ниже я укажу четыре способа, которыми визуальный язык рисунков Оленина губительно искажается при воспроизведении в издании 1860-х гг. При этом девятитомное издание Грота в целом выполнено с предельной тщательностью: и текстология, и примечания находятся на уникально высоком для своего времени научном уровне.

1. Как уже говорилось, ода «На Счастье» была написана, когда Державин безвыездно находился в Москве по указу самой Екатерины, а враги Державина готовили в московском Сенате суд над поэтом-губернатором. Связь с судом подчеркивалась в заставке Оленина фразой: «Писанная на Масленицѣ», размещенной на «ширинке» (ленте), которую держит Счастье, и годом «1789» на мыльном пузырье. Указание года написания является для обсуждаемого тома редкостью. Введенные в виньетку указания на время написания оды становились содержательной частью оды (рис. 1)²⁴. Ясно, что карнавалы и инверсии и разгул Масленицы должны были извинить дерзкие «шалости» поэта, на деле говорящего в тексте об остром переживании несправедливости своего грозящего катастрофой положения.

В издании Грота, однако, надпись на ленте исчезла, а год, вынесенный в верхнюю часть страницы, стал чисто фактологическим отражением хронологии творчества поэта²⁵. Из-за этого в издании Грота стихотворение лишилось некоторой дополнительной остроты, которую придавала ему непосредственная связь с текущими событиями (рис. 2). Гравировальщика в данном случае винить не следует. Уже в версии рисунка, перерисованной, по всей видимости, Ивановым, даты и подзаголовка нет²⁶.

23 Державин Г.Р. Сочинения Державина... Т. 1. С. 243, 259.

24 Проскурина основательно подтверждает датировку оды указанием на содержащиеся в ней намеки на текущую международную ситуацию (самый недавний вариант этого аргумента см. в: Проскурина В. Империя пера Екатерины II. С. 212—235). Однако она воспроизводит неверную информацию о том, что не тот год (1790-й) был якобы указан самим Державиным (Там же. С. 201, 208; ср. примечания В.А. Западова (Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 384) и Г.Н. Ионина (Державин Г.Р. Сочинения. СПб.: Академический проект, 2002. С. 575). Тщательное изучение архивных источников позволяет с уверенностью говорить о том, что Державин никогда не датировал оду 1790 г. Источники: (1) «Рукопись 1790-х гг.» (ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 78 об.); текст см. выше в примеч. 18; (2) «Сочинения. Часть I» — подносный том для Екатерины (ОСРК. Ф. 550, F.XIV.16. Л. 109 об.); «Писанная на Масленицѣ», «1789»; (3) авторский экземпляр «Сочинений Державина. Часть I» (1798) (РГАЛИ. Ф. 180. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 96): «Писано на Масленицѣ 1789 года»; здесь же на л. 98 изменения, которые описаны в: Западов В.А. Неизвестный Державин // Известия АН СССР. Отд-е литературы и языка. Т. 17. Вып. 1. 1958. С. 46, и которые вошли впоследствии в *egata* тома. То же в: (4) Державин Г.Р. Сочинения Державина. Ч. I. М.: В Университет. тип. у Ридигера и Клаудия, 1798. С. 179 (экземпляр из собрания РНБ, а также экземпляр из Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ с добавлением на с. 400—401 первых трех строф стихотворения «На новый 1797 год»). В первой из трех тетрадей 1800-х гг. (позднее 1798 г. и ранее 1808 г.) дата пропала при перерисовке заставки: (5) ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 99 об.; см. ниже. Отсюда отсутствие даты в: (6) Державин Г.Р. Сочинения Державина: В 3 ч. СПб.: В тип. Шпора, 1808.

25 Державин Г.Р. Сочинения Державина... [1864—1883]. Т. 1. С. 243.

26 ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 99 об. Рисунок не подписан. С одной стороны, добавлена акварель разного цвета, что характерно для перерисовок оленинских рисунков Ивановым (см.: Петрова Е.Н. Иллюстрации к анакреонтике Г.Р. Державина. С. 385). С другой стороны, фигуры и предметы не очерчены поверх карандашного наброска пером, что Петрова называет «непременным» признаком его, Иванова, манеры (Там же). Нет, однако, причины полагать, что Егоров, уехавший вскоре после своей комиссии в Италию (Там же. С. 394), участвовал в перерисовке оленинских рисунков.

Рис. 1

Рис. 2

2. Из рога изобилия у Оленина сыплются какие-то непонятные то ли камни, то ли картофелины. Их значение, однако, было ясно современникам. Обратимся за помощью к «Торжествующей Минерве» — описанию «общенародного зрелища, представленного большим маскарадом в Москве» в 1763 г., в начале правления Екатерины. По мере того как в этом большом маскараде проходит череда общественных пороков (Мотовство, Бедность и т.д.), мы видим:

ЗНАКЪ

Въ низъ обращенной рогъ изобилія, изъ коего сыплется золото, по сторонамъ курящіяся кадильницы.

НАДПИСЬ

Безпечность о добръ²⁷.

Далее появляется «хоръ обшитыхъ картами», и нашему взору предстает Слепая Фортуна. Таким образом, из перевернутого рога изобилия, который несет Счастье на эмблеме Оленина, сыплются куски золота. Счастье, или Fortuna (частичное альтер эго Felicitas/Фелицы/Екатерины в оде), выходит плохим управителем общественного благосостояния²⁸. Иванов, младший современник Оленина, понимал, что здесь изображено, и на своем рисунке даже отгенил падающие камни желтой

27 Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 года, генваря [пробел] дня. [М.:] Печатано при Императорском Московском Университете, [1763]. (Страницы не нумерованы.) Автор этого раздела (проекта маскарада) — Ф. Волков.

28 Проскурина уподобляет поэтику и прагматику «Фелицы» и «На Счастье»: Проскурина В. Империя пера Екатерины II. С. 201—205. Однако они строятся по совершенно разным законам. В первой оде Екатерина идеализируется, там есть лишь стилистические снижения и смелая фамильярность, в целом лестные для Екатерины. В оде «На Счастье» ей выносятся серьезные обвинения в фаворитизме, недейственности законов, страданиях достойных, а кроме того, по собственному наблюдению Проскуриной, Екатерина уподобляется не только Счастью, но и (через барковианскую аллюзию) П**де (Там же. С. 243). В условиях неравной игры в персифляж, допускаемой Екатериной, такое речевое поведение, будь оно обнаружено, могло оказаться

акварелью. Анонимный же гравер Грота, явно не понимая смысла изображения, заменил падающее золото спокойно свисающими виноградинами.

3. Главная же дерзость оленинской заставки кроется в форме головного убора Счастья. Понять, что это такое, не так просто. Художник оставляет нам подсказку: сверху головной убор загибается вперед и оттого становится похожим на так называемый фригийский колпак — широко распространившуюся в революционной Франции эмблему свободы. При ближайшем рассмотрении наша догадка подтверждается: загибающаяся вперед верхушка заканчивается отверстием и фактически представляет собой короткую *штанину*. Сбоку видна и парная к ней штанина. Иными словами, Счастье/Фортуна, по замыслу Оленина, носит на голове кюлоты, короткие брюки, составляющие обычную часть одежды французской аристократии того времени (революционеров и бедноту, соответственно, называли «санкюлотами»), а кушак функционирует как повязка на глаза. Перевернутые, сдернутые с аристократа *кюлоты* приняли форму излюбленного санкюлотами фригийского колпака²⁹. Сравним фрагменты рисунков А.Н. Оленина (отдел рукописей РНБ), И.А. Иванова (рукописный отдел ИРЛИ) и анонимного гравера из издания Грота (*рис. 3–5*).

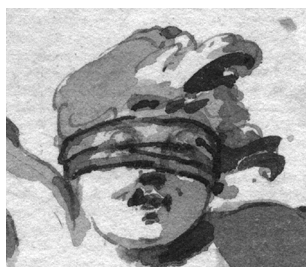

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Учитывая, что год на шаре (1789) впоследствии приобрел особое значение³⁰, и поэтому, возможно, искажался задним числом смысл строки: «Парижу пукли разбивает» (Людовик был обезглавлен менее чем за три года до преподнесения тома Екатерине), рисунок Оленина начинает выглядеть неожиданно вызывающим.

Иванов не так отважен. Намек на кюлоты у него все еще присутствует, но, всматриваясь в его версию оленинского рисунка, зритель вполне может принять их за вьющиеся волосы Счастья³¹. В гравюре же анонимного художника гротовского издания вьющиеся волосы — это все, что осталось от игриво-«крамольных» оленинских перевернутых кюлот³².

4. Наблюдается упрощение, даже выхолащивание замысла художника в эмблеме, размещенной после стихотворения. Она изображает бабочку (Психею) на олив-

весьма рискованным для находящегося под судом поэта и даже в 1795 г. выглядело смело. (Ср. историю неприятия Екатериной в 1794 г. оды Державина Суворову из-за встречающихся там совершенно, казалось бы, безобидных выражений: *Державин Г.Р.* Сочинения Державина... [1864—1883]. Т. 1. С. 638—639, 642.)

29 Таким образом, рисунок потенциально отсылает к строкам из стихотворения «Властителям и судиям» о подверженности власть имущих бесславным смертям (в начале тома) и к строкам о судьбоносных прихотях фортуны (в третьей строфе самой оды «На Счастье»).

30 1789 г. — год начала Великой французской революции (благодарю Кирилла Осповата за это наблюдение).

31 ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 99 об.

32 *Державин Г.Р.* Сочинения Державина... [1864—1883]. Т. 1. С. 243.

ковой ветви. Но в то же время рисунок Оленина представляет собой почти оптическую иллюзию, так называемую обратимую фигуру. В первые секунды зритель склонен видеть в рисунке не бабочку, а грустное лицо несколько жалкого существа в круглой шляпке (рис. 6). Лицо это образуют в первую очередь два броских, крупных глаза темного цвета и округлые полосы ближайшего крыла бабочки — при затушеванности тельца и усиков, сливающихся с серым фоном. Форма крыльев заметно искажена по сравнению с натурой. *Заднее* правое (более округлое) крыло нарисовано не в паре с передним правым, а выделяющимся, в середине тела *перед* другими крыльями. А его сужение к тельцу снабжено особой симметричной формой, заканчивающейся выпуклым округлением, напоминающим очертаниями подбородок. Книзу это «лицо» обрамлено слегка скругленными лапками, которые складываются в гофрированный воротник. Автор следующей версии этого сюжета, Иванов, наоборот, добавит пятно желтой акварели, чтобы брюшко бабочки лучше выделялось, тем самым исключая возможности оптической иллюзии³³.

Рис. 6

Объяснение рисунка, данное в конце каллиграфического тома для Екатерины, гласит:

Психея опочиваетъ на масличной ветвѣ.
Шепни твоимъ любимцамъ
Вельможамъ, Королямъ и Принцамъ
Спокойствіе мое во мнѣ³⁴.

Таким образом, у Оленина преобразенная Психея-душа (бабочка) сохраняет намек на свою человеческую природу. В то же время вносится некоторый диссонанс: бабочка действительно пребывает в спокойствии, но «лицо», которое чередуется с ней в восприятии зрителя, напряженно-грустное. На ксилографии же анонимного художника в издании Грота крылья бабочки (образующие бла-

годаря своей белизне визуальную доминанту рисунка) блее, а тело чернее, чем у Оленина. К тому же и форма крыльев изменилась, полностью упразднив лицо. Глаз нет. Нет центрированного над тельцем овала. Полоски на крыльях остались, но их форма также произвольно искажена, и они уже не могут напоминать форму женской шляпки. Ножки выпрямлены, и их изобразительная неоднозначность снята. Перед нами самая обыкновенная бабочка (рис. 7).

Но что могло бы означать это грустное лицо и где искать связь рисунка Оленина с содержанием стихотворения Державина? Иначе говоря, что потерялось в неумело исполненном переводе на гравюру? Для ответа на этот вопрос обратимся к непосредственному контексту создания рисунка. В 1794 г., незадолго до поднесения каллиграфического тома Екатерине, Владимир Боровиковский написал известный портрет царицы на прогулке в Царском Селе. Сопоставление лица-бабочки с рисунка Оленина и лица Екатерины в круглой шляпке и с брыжами на шее с картины Боровиковского (см. фрагмент на рис. 8) обнаруживает их заметное сходство. Боровиковский был тесно связан с кругом Львова — Державина — Оленина. Портрет,

33 ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 105.

34 РНБ. ОСРК. Ф. 550. F.XIV.16. Л. 203 об.

Рис. 7

Рис. 8

написанный им по собственной инициативе (и отчасти, видимо, по инициативе друзей Боровиковского, добивавшихся его назначения в академики) и к тому же не с Екатерины, а с ее камер-фрау М.С. Перекусихиной, так и не был выкуплен императрицей³⁵. Таким образом, визуальная отсылка к лицу с портрета (по сути, воссоздание его в грустном, немного жалком виде) могла быть игривой, осуществленной «понарошку» мстью за мелкую обиду, нанесенную одаренному художнику.

Остается вопрос: почему же для скрещения с портретом императрицы была избрана преображенная Психея? В том же 1794 г. вышла вторым изданием «Душенька» Богдановича — русифицированное галантное переложение «Психеи и Амура». Вера Проскурина выявляет множество тонких отсылок к Екатерине и Царскому Селу как в «Душеньке» (1783), так и в опубликованной тремя годами позже пьесе «Радость Душеньки» (1786)³⁶. Проскурина отмечает черты Екатерины и в самой Психее, и в условной Хлое, к которой обращена поэма.

Итак, не остается сомнений в том, чье именно лицо проступает на крыле усевшейся на масличную ветвь бабочки-Психеи. Игриво-ироническое снижение образа императрицы намекало на инверсию иерархии власти, схожую с той, что описана в оде. Согласно заключительным строкам оды, процитированным в пояснении к рисунку, душа поэта вольна как бабочка, и ее покой не может быть нарушен ни Екатериной, ни вельможами, казалось бы, имеющими над поэтом власть. В то же время сама Екатерина выглядит на рисунке *умаленной*, — возможно, в воздаяние за равнодушие, проявленное ею к судьбе находившегося под судом поэта в период написания оды. К слову, равнодушие это вполне созвучно характеру ее слепого, brutального двойника. Последний, «куда хребет свой» ни обращает, там низвергает власть имущих; любимцев же себе избирает по прихоти, вне зависимости от их подлинных достоинств. Поле искусства, его карнавалено инвертированное пространство, позволяло поэту и художнику хоть немного «отыгаться», низводя Екатерину-Счастье с трона (пузыря) на ветку — такова траектория от заставки к концовке.

Однако в версии рисунков Оленина, доступной без архивных разысканий, все эти смыслы, увы, утрачены. Психея грустит.

35 См.: Алексеева Т.В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже 18—19 веков. М.: Искусство, 1975. С. 92—96, 100—105.

36 См.: Проскурина В. Мифы империи. С. 253—274.